

Золотой голос, золотое сердце, или Фрагменты одной биографии

К 80-летию Галины Олейниченко

Речь пойдет о Галине Олейниченко, прославленной певице, отличном педагоге и "великой молчальнице". Она уклоняется от телеинтервью, встреч с пишущей братией. Обычно не рассказывает о своих достижениях, тем более — проблемах. Она не хочет говорить о себе. Это обидно, особенно потому, что девочка, родившаяся в Буденновке Раздельнянского района Одесской области, внесла значительный вклад в историю консерватории, города, страны.

Многое, связанное с ее именем, предполагает использование слова **ВПЕРВЫЕ**.

Так, Галина завоевала **ПЕРВУЮ** в истории одесской вокальной школы (когда, впрочем, еще не было такого понятия, как ни трудно сегодня в это поверить) **ЗОЛОТУЮ** медаль всесоюзного конкурса. Это случилось в 1956 году. Г. Олейниченко была единственной из 170 участников, удостоенной первой премии. Вторую получили шесть человек (в их числе Р. Сергиенко), третью — одиннадцать (среди них Б. Руденко и Г. Поливанова). Председатель жюри Валерия Барсова скажет об Олейниченко: "Бриллиант чистой воды"...

До этой победы высшим достижением воспитанников Одесской консерватории была вторая премия Ольги Благовидовой на конкурсе 1933 года. (Здесь позволю себе прозаическое отступление: Г.А. Поливанова рассказала, что у них с Олейниченко на конкурсе 1956 года была одна — одолженная к тому же! — пара туфель на двоих и... соседние номера выступлений! Это было непросто, но они справились с "технической" проблемой.)

Олейниченко приносит Одесской консерватории и **ПЕРВУЮ ЗОЛОТУЮ** медаль международного конкурса, став одной из победительниц соревнования вокалистов в рамках Всемирного фестиваля в Бухаресте.

Ей принадлежит высокая честь получения и ПЕРВОГО среди советских вокалистов гран-при международного конкурса. Это случилось в Тулузе в 1957 году. Олейниченко будто открыла дорогу для будущих побед в этом городе Л. Шириной, Т. Захарчук, Т. Мельниченко... (Сейчас часто говорят о несправедливом судействе на многих конкурсах, включая конкурсы имени Чайковского, Вишневской, Образцовой. Г. В. вспоминает, что в Тулузе участники пели за ширмой, члены жюри не знали имен выступавших. Пример, несомненно, достойный подражания.) Вот таковы золотые достижения певицы Олейниченко, голос которой сравнивали с серебряным колокольчиком, называли хрустально чистым, ставили в один ряд с дарованием всемирно известной Амелиты Галли-Курчи.

В августе 2007 года Г.В. Олейниченко после пятнадцатилетнего перерыва побывала в Одессе. Мне посчастливилось несколько раз встретиться с нею, беседовать о ее жизни в искусстве, о родных и близких. Как правило, на протяжении десятилетий в рассказе о себе она ограничивалась одной-двумя фразами с добавлением неперемennого "ну и тра-та-та". Это "тра-та-та" означало, что больше она ничего говорить не станет, тема исчерпана. А тут — неожиданно — в нашей беседе прозвучали многие почти никому неизвестные сведения. Поэтому хочется зафиксировать фрагменты ее биографии, о которых узнал впервые.

В 1936 году сотрудники школы П.С. Столярского искали таланты в селах области. Сестру Гали Надежду отобрали, и она поступила в класс арфы, поселившись в интернате. На каникулы Надя приезжала домой и рассказывала Гале о музыке, о школе, об арфе. У младшей сестры под влиянием старшей (это мы узнаем впервые) появилось желание приобщиться к миру искусства, и в 1940 году она тоже поступает в класс арфы.

Мать Ксения Матвеевна принимает решение переехать в Одессу, чтобы объединить семью. Здесь надо было "поднимать" четверых детей, где-то жить. Она начинает работать дворником, благо дворникам полагалось жилье. Единственное так называемое удобство в их скромной квартире на Малой Арнаутской, вспоминает Галина Васильевна, это "кран с холодной водой". Жили бедно, но честно и достойно. Мать обеспечивала пропитание, порядок и чистоту. Кровать застилали марлевым покрывалом, неизменно накрахмаленным и тщательно выглаженным...

Пришла война. Галя занималась в музыкальном лицее. Посещала театр по контрамаркам, которые выделялись для лицейстов. Ее первой оперой стал "Евгений Онегин". Она часто и с большим удовольствием посещала балетные спектакли, неосознанно проходя на них школу сценического

движения, умения носить костюм, пользоваться аксессуарами (и это мы узнаем впервые, впрочем, в дальнейшем подобное оговариваться не будет).

Особое внимание Гали привлекала прима-балерина тех лет Екатерина Русинова, которая до наших дней не знала о такой почитательнице своего таланта. Когда я рассказал Екатерине Александровне об этом, она была приятно удивлена и призналась, что позднее сама стала... почитательницей Галины Олейниченко. Но это случится почти десятилетие спустя — после оперного дебюта певицы. А тогда тихая поклонница балерины Русиновой занималась в классе арфы, но вскоре девушкой овладела мечта стать певицей. Это случилось на спектакле "Травиата", в котором принимала участие гастролер из Клужа Анна Хубик. Девочка подумала: "Спеть Виолетту один раз — и уже можно умирать".

Жилось в оккупации несладко. Только два примера.

...Русские, украинцы могли сидеть лишь на галерее, партер и престижные ложи — для румын, немцев.

...Мать с трудом собрала деньги и купила Гале пару приличных носков. В лицей девочка ходила пешком. Как-то ее остановили двое полицейских и повели в подворотню. Сердце сжималось от страха — чем это может кончиться? Они приказали ей... снять носки. Забрали их и отпустили. Ребенок долго не мог прийти в себя от пережитого страха. Помнит об этом народная артистка, профессор Российской академии музыки имени Гнесиных по сей день.

Но вернемся в Одессу сороковых годов. Галя продолжала осваивать арфу. Однажды, набравшись смелости, она пришла в музыкальное училище. Ее прослушал легендарный одесский певец (его называли "южным Собиновым"), в то время уже авторитетный педагог вокала Виктор Алексеевич Селявин. Он, к слову, был вторым из всего лишь четырех заведующих кафедрой сольного пения консерватории за все девять с половиной десятилетий ее существования (основала кафедру Юлия Рейдер, которая умерла в годы войны, а сменила Селявина на три десятилетия Ольга Благовидова, Благовидову же — Галина Поливанова, возглавляющая кафедру поныне). В военные годы В. А. работал и в театре, и в консерватории, и в училище. Он одобрил намерение Гали учиться пению и посоветовал отсутствовавшей на прослушивании певице и педагогу Н.А. Урбан взять девочку в свой класс, что та и сделала, не подозревая, что этим обеспечит себе имя в истории вокального искусства.

Наталья Аркадьевна была не только хорошим педагогом, но и интеллигентным человеком, оказавшим существенное влияние на формирова-

ние Галины как певицы и ее личности. Она верила в ее будущее, смогла переубедить даже саму О.Н. Благовидову, не сразу поверившую в талант Олейниченко. Занятия вокалом девушка еще некоторое время совмещала с постижением игры на арфе. Она с глубоким уважением вспоминает чешку Жанну Иосифовну Перман, в то время уже очень немолодую, которая давала уроки у себя дома.

"Она очень любила нас, заботилась. Понимала, что мы никогда не сможем приобрести столь дорогостоящий инструмент. Говорила, что со временем передаст нам свой. Она скоростижно скончалась от бытового заражения крови. Я тогда лежала в больнице с тифом... Когда мы пришли в ее квартиру, там уже не было ни арфы, ни рояля... Класс Перман перешел к ее ученице. Та однажды сказала мне: "Вы никогда не сможете купить арфу. Послушайтеесь доброго совета — и сосредоточьтесь на вокале. Вы не пожалеете об этом и будете вспоминать меня добрым словом". Так и случилось". Позднее Галина Олейниченко, ставшая известной певицей, гастролировавшей во многих странах, хотела купить арфу для Нади, но не сумела это сделать: 90% гонораров забирали чиновники...

...Гая приходила на уроки к Н. А. с чувством неловкости: во время болезни пришлось состричь косы, а отсутствие волос прикрывалось скромной косыночкой. Полгода Н. А. занималась только развитием дыхания ученицы, которой, конечно, это было не совсем понятно и просто скучно, — ей очень хотелось петь. Но девушка была послушной и прилежной... Это у нее на всю жизнь.

Навсегда запомнила первую спетую арию — Барбарини из "Свадьбы Фигаро" Моцарта (позднее она исполнит партию этой героини в консерваторском спектакле, где Графиню Альмавива пела Р. Сергиенко), своего концертмейстера Каролину Самойловну Соскину, экзамены... Занятия в училище совмещала с занятиями в школе. Окончить школу не смогла: помешала двойка по математике. Сосредоточилась на учебе в училище, где не было этой неприятной науки.

На первом экзамене Селявин предложил "перепрыгнуть" через курс. Педагог и ученица отказались. Но после окончания училища в 1949 году Галю сразу приняли на второй курс в консерваторский класс ее же педагога.

До этого Олейниченко приняла участие в киевском смотре выпускников училищ. Она произвела хорошее впечатление. Ей предложили поступать в московскую консерваторию. Отказалась. На Галину обратила внимание и знаменитая М.Э. Донец-Тессейр, в свое время известная певица, а тогда профессор Киевской консерватории (среди ее воспитанниц

И. Масленникова, Е. Мирошниченко, Н. Куделя и др.). Мария Эдуардовна предложила Галине поступать к ней. И снова отказ Олейниченко, преданной своему преподавателю. Киевскому педагогу очень понравилась исполненная Галей ария Кеникей из оперы Степанова "Манас", созданной по мотивам киргизского эпоса. Олейниченко собственноручно переписала ноты и подарила их Марии Эдуардовне.

Галя, вернувшись в Одессу, продолжала настойчиво овладевать искусством пения. Когда она была на четвертом курсе, к нам прибыл "десант" из Большого театра — знаменитый дирижер Н. Голованов, концертмейстер Ю. Реентович, уже упоминавшаяся певица И. Масленникова. В память о великой А.В. Неждановой на одесской сцене давали оперу Россини "Севильский цирюльник". Дирижировал одессит Н. Покровский, супруг Неждановой Голованов присутствовал в зале. В спектакле участвовали гастролер Масленникова, одесситы Николай Дидученко, Никита Дорош... Несколько лет тому назад мне подарили фотографию участников этого исторического для нашего города спектакля, которую я воспроизвел в книге о двухвековой деятельности Одесского театра оперы и балета.

Гости из Москвы прослушали Галю, предложили поехать в столицу, чтобы стажироваться при Большом театре. Отказалась. Но она согласилась поступить в Одесскую оперу и петь сольные партии, получая ставку... хористки. Это давало возможность продолжать работу с Натальей Аркадьевной. Так пройдут полгода. Олейниченко дебютирует в опере Кабалевского "Семья Тараса", исполнив партию дочери главного героя комсомолки Насти. Ее сразу заметят меломаны, будут встречать аплодисментами, появятся первые поклонники и в театре, и за его пределами.

Она обратит на себя внимание коллег не показной скромностью, душевностью. Об этом мне рассказала Екатерина Александровна, к сожалению, не сумевшая встретиться с Галиной Васильевной: у нее не работал телефон, и она даже не узнала о приезде Олейниченко в наш город...

А тогда, более полувека назад, Наталья Аркадьевна подготовила молодую певицу к участию в конкурсе вокалистов в Бухаресте. Успешно выступив на нем, Олейниченко возвращалась из Бухареста с золотой медалью. На вокзале ее встречал директор театра К.Ф. Алексеев. Он поздравил Галю и сообщил, что она переведена на высшую ставку солистки оперы.

...Однажды, когда репетировали "Риголетто", в зал вошла известная певица Мария Павловна Егорова. Как вспоминает Е.А. Русинова, "Мара сразу сказала, что эта девочка всех заткнет за пояс, что ее ожидает мировое признание".

Ставил оперу Верди молодой режиссер из Москвы Владимир Горикер, для которого это был дипломный спектакль. У него сложились два состава исполнителей. Предполагалось, что Галя будет петь Джильду во втором. В первом эту партию должна была петь многоопытная певица З.И. Садовская, которая, к тому же, была женой директора театра. Маститые почти не репетировали: "Они "все знали", так как пели эту оперу по 50-100 раз, и не только в Одессе". Это вспоминает Владимир Михайлович в письме, которое он адресовал мне в августе 2007 года.

Были две генеральные репетиции — для каждого состава. Первая прошла хорошо, но на второй разразился шквал оваций. "Чистая, нежная, юная, как и положено героине, Галя с голосом ангела покорила зал. Я обратился к директору и сказал, что этот состав должен петь премьеру. Он стал багровым. Когда Константин Федорович сердился, то краснел, а его лицо, покрытое оспинками, не менявшими цвета, превращалось в решето. Он сказал, что я гость в театре, не знаю традиций, что предлагаемое мною неприемлемо.

Это каким-то образом стало известно дирижеру, и тот в следующем акте начал останавливать Олейниченко, говорил, что ее не слышно, что она должна выйти на авансцену... Необыкновенно скромная и застенчивая, прямо скажем, "не борец", особенно тогда, она все же пыталась объяснить дирижеру, что выполнение его требований разрушит мизансцены, сорвет замысел постановщика... Он стоял на своем, кричал...

Директор понимал, что дирижер оказывает ему и театру медвежью услугу, он был вне себя. Но на мои попытки изменить свое решение снова отвечал, что второй состав не может петь премьеру... И тогда я сказал: "Завтра на премьере будет присутствовать комиссия из Москвы. Неужели Вы не хотите, чтобы у нее сложилось положительное впечатление о театре и Вашей работе?"

К. Ф. сдался. Однако тут снова вступил дирижер, который демонстративно отказался дирижировать. Он предложил это делать мне, раз я "такой специалист". Главный дирижер театра Н.Д. Покровский согласился за один день подготовиться к дирижированию премьерой. Ее пришлось перенести на день.

Премьера прошла в переполненном зале, а площадь перед театром была заполнена людьми, не сумевшими попасть в театр".

Об этом эпизоде еще в начале 80-х годов рассказывал сам Н. Д. Он подарил мне фотографию премьерной афиши "Риголетто", обратив внимание на то, что фамилии его и исполнительницы партии Джильды располо-

жены косовато: их наклеивали поверх ранее напечатанных фамилий прежнего дирижера и певицы З.И. Садовской. Н. Д. также говорил о том, что хор и оркестр, другие артисты, даже кто-то из городского начальства откровенно высказывались за второй состав.

Мне особенно приятно, что на вопрос, как пела Садовская, Олейниченко ответила уже в 2007 году: "Очень хорошо". Это благородно. Причина же конфликта в том, что З. И. была на десятилетия старше и героини, и Гали... Гали, которая отныне станет любимцей Одессы (и не только), и которую по сей день называют у нас не иначе как Галочкой. Она даже была героиней фольклора.

Например:

Говорят не без причины:

Голос звонок у Галины.

Хоть таи, хоть не таи,

Но в тревоге соловьи.

...Оба состава исполнителей в "Риголетто" пользовались большим успехом, но второй — просто уникальным: меломаны поняли, что на их глазах рождается оперная звезда.

К. Ф., пережив трения с супругой, которая не могла простить ему бенефисную премьеру юной (невольной) соперницы, даже пригласил молодого режиссера в театр, где ему была поручена постановка "Садко". Волхову репетировала Галочка. Тот январь (1954 года) был очень холодным и снежным. Перед одной из репетиций "Садко" Галина и Владимир расписались в ЗАГСе, что рядом с театром (в этом помещении до революции помещалась редакция "Одесского листка", а называется оно "домом Навроцкого"). Г. В. до сих пор помнит, что температура в тот день была -35 градусов.

Первым в театре их поздравил известный административный работник Макс Петрович Линский. Директор же негодовал. Как станет позднее известно, в обкоме ему поручили всячески препятствовать браку восходящей молодой украинской "звезды" с "иностранцем", чтобы "сохранить в чистоте" ее биографию. Это ведь были годы "борьбы с космополитизмом"...

Новый спектакль был тоже удачным. И режиссерски, и вокально. Особенно хороша была Олейниченко. Как ее любили одесситы! Однажды,

когда она вошла в зал, уже после того как погасили свет, раздались аплодисменты и крики: "Браво, Олейниченко!". Она вжалась в кресло, мучаясь мыслью о том, что по внутренней трансляции это может услышать Зинаида Ивановна, которая в тот вечер пела Джильду: Галина не хотела травмировать ее.

Олейниченко предложили гастрольную поездку в Англию и во Францию. Садовская сказала ей: "Если бы Вы знали, как я Вам завидую".

Премьеру "Травиаты" пела Садовская: Олейниченко уезжала на концерт. После возвращения с победой она вышла на сцену в роли любимой Виолетты. По сути, это была новая премьера. Садовская пришла поздравить молодую певицу. Это ей делает честь, а точнее — обоим: Галочка смогла достойно вести себя и победить силой искусства.

Большое впечатление на Олейниченко произвело искусство Милицы Корьюс, сыгравшей Карлу Доннер в "Большом вальсе", фильме, который Галина увидела в Одессе.

Вскоре, по обычаям того времени, Олейниченко забирают в Киев. В Одессе она проработала три года, в Киеве — два. За время работы в столице Украины спела ряд новых для себя партий. Все они были подготовлены под руководством Натальи Аркадьевны, к которой Олейниченко специально приезжала в Одессу. Это Розина, Оскар, Антонида и др. Об этом с благодарностью вспоминает Г. В.

В 1957 году, еще до победы в Тулузе, ее приглашают в Большой театр. Но директор Киевской оперы, человек с поддержкой в ЦК, категорически против. Он добивается того, чтобы Олейниченко-"изменница" не могла оформить документы в Большом театре на протяжении нескольких месяцев. Не останавливается даже перед тем, чтобы обвинить певицу в... похищении клавира "Лоэнгрин"... Пришлось купить другой (это с большим трудом смогла сделать почитательница Галочки Генриетта Певзнер) и "вернуть" его.

К слову, с "Лоэнгрином" связан один любопытный эпизод: Иван Семенович Козловский хотел спеть с Олейниченко дуэт Эльзы и Лоэнгрин (по воспоминанию С. Рихтера, его отец, органист одесской оперы и педагог консерватории, считал эту музыку высочайшим проявлением человеческого гения). К сожалению, проект И. С. не был реализован, но показателен сам факт обращения великого певца к начинающей певице...

Когда Галина поступала в Большой театр, одна из маститых певиц сказала: "Наш театр режимный, а она была в оккупации...". (Мне хочется добавить: "И принесла много вреда своей стране".) Олейниченко удалось

преодолеть строжайший контроль "бдящих", это тоже победа таланта. Человек благодарный, справедливый, Г. В. говорит: "Спустя десятилетия эта певица, а тогда уже педагог, подписала мне отзыв, необходимый для присвоения звания профессора. Наши отношения всегда оставались равными". Добавлю, что не только с нею: золотое сердце Олейниченко проявлялось в том, что она никогда и никому не приносила зла, хотя самой ей пришлось испытать немало огорчений и даже горя... (Любопытно, что называть имя певицы она не стала и была удивлена, когда я сразу произнес его.)

...В годы работы в Большом театре Г. В. посчастливится петь Виолетту вместе с прославленным корифеем отечественной оперы Сергеем Яковлевичем Лемешевым. В 2007 году она говорила мне: "Это незабываемо. Он был светел и трепетен. Я и сейчас, десятилетия спустя, вижу его взволнованные глаза — на чувство такого героя нельзя было бы не ответить. Не говорю уже о дивной красоте тембра его голоса, человеческой красоте и привлекательности... Мне довелось тридцать лет назад петь на панихиде по великому певцу, незабываемому Артисту".

И еще один эпизод, связанный с "Травиатой". Уже после всех своих побед на конкурсах вокалистов Олейниченко, в частности, гастролировала в Румынии. В Клуже к ней за кулисы пришла со словами признания и благодарности... Анна Хубик, та, которая пробудила в душе девушки страсть к Виолетте! Плакали обе певицы. Но это были слезы радости.

...Ей посчастливилось петь с П. Лисицианом, Б. Гмырей, Г. Отсом, Н. Савченко, В. Норейкой, Т. Кузником, И. Петровым, Ал. Ивановым, А. Эйзенем, Е. Нестеренко, В. Атлантовым, Н. Гяуровым, Н. Херлей и другими выдающимися певцами.

Ее слышали в Австрии, Италии, Голландии, Германии, Венгрии, Бельгии, Нидерландах, Польше, Болгарии, Греции, Чехословакии, Югославии, Албании, Монголии, Китае... Ей посчастливится узнать международное признание.

Ее назовут "звездой" в Англии, отметив: "Удивительно послушный голос чист, прозрачен, гибок".

В Китае напишут: "Ее голос напоминает непрерывно звенящий ручеек или звуки скрипки, на которой играет большой мастер... Он звучит очень легко, естественно, без всяких усилий".

В Греции: "Олейниченко обладает феноменальным голосом. Она поет в строгом стиле, с большим чувством, обладает безграничной музыкальностью, мягкостью. Голос чист, восхитителен".

В Польше: "Выдающееся мастерство и вокальные качества, осмыслен-

ная до мельчайших деталей актерская игра и прекрасная сценическая внешность".

Таковы лишь некоторые отзывы из десятков аналогичных.

За три десятилетия сценической деятельности певица исполнила около тридцати партий в отечественной и зарубежной классике, в современных операх. Даст сотни сольных концертов, концертов с Ансамблем скрипачей Большого театра, а также Ансамблем скрипачей Сибири...

Она никогда не афишировала, например, что ей прислал ноты своего романса с теплой дарственной надписью выдающийся украинский композитор Кос-Анатольский, которому очень нравился ее голос. Я узнал об этом случайно. Она не рассказывает, например, о знакомстве с великой Марией Каллас, о расположении, которым дарит ее другая великая певица — Зара Долуханова.

А сколько информации навсегда останется только с нею — об этом можно лишь гадать и сожалеть, что ничего нельзя изменить: скромность Г. В. без преувеличения поразительна. Не могу не привести один пример. В Большом театре ей предложили трехкомнатную квартиру. Она отказалась, ограничившись двухкомнатной. Мне рассказал об этом директор Музея Большого театра В.И. Зарубин. Я поинтересовался у него, известны ли другие аналогичные ситуации в театре. Он сказал: "Конечно, нет. Это единственный случай, уникальный... Но ведь и Олейниченко у нас ОДНА!".

Не удержался и спросил у Г. В. в нынешний приезд, верно ли это. Она скромно ответила: "Да". Без тени сожаления. А ведь сейчас в ее квартире живут... шесть человек. Это родственники, работающие или обучающиеся в Москве... Не мог не рассказать об этом. Мне кажется, что все это значимо для понимания феномена Галины Олейниченко. Точнее — приближения к пониманию его. Свет личности певицы отражается на ее жизни в искусстве.

...Г. В. была поразительно предана Большому театру. Она отменяла гастроли, если возникала необходимость заменить в рядовом спектакле заболевшую исполнительницу. А вот совсем, вроде бы, мелочь. Г. В. очень любит мороженое, но в течение сезона никогда не позволяла себе полакомиться им: вдруг сядет голос, а в театре возникнет необходимость замены коллеги. Улыбаясь, она говорит: "В последний день сезона всегда покупала себе в кафе на улице Горького (теперь она вновь Тверская) полкилограмма любимого лакомства, жадно съедала его и, что удивительно, ни разу это не отразилось на звучании голоса".

В день спектакля она приезжала в театр за три часа до начала. Грими-

ровалась, одевалась, распевалась. Любила слушать звуки молотков, которыми пользовались рабочие сцены. Прислушивалась к звукам оркестрантов, настраивавших свои инструменты. В этом была особая радость — радость предвкушения спектакля.

Она много выступала за рубежом, в разных театрах страны, но наибольшую радость приносили ей спектакли в Большом театре и в... Одессе.

Олейниченко часто гастролировала в нашем городе — пела и в спектаклях, и в концертах. Ее всегда трогательно любили (и любят) здесь. Случилось так, что Олейниченко было присвоено звание заслуженной, а затем и народной артистки республики, а вот со званием народной страны как-то не получалось. По инициативе ее одесских почитателей начался обор подписей под ходатайством о присвоении певице высшего звания. Артисты охотно ставили свои подписи. Делали это в режиссерском управлении, которым, по случайному стечению обстоятельств, руководила тогда... Е.А. Русинова. Далее ее рассказ августа 2007 года: "Все было хорошо до тех пор, пока одна из певиц не отказалась поставить свою подпись. Более того, она обратилась к другой коллеге, по совместительству партгору театра, и та приказала "прекратить это безобразие". Таковы были нравы, одно из уродств социализма: выражать свое отношение публично нельзя было. Имен певиц не называю, тем более что обеих уже нет на свете...

Лето 2007 года. Г. В. попросила показать ей реставрируемый театр. Директор дал разрешение. Мы ходили по фойе, коридорам, залу, гримуборным. Когда открыли дверь в ту комнату, где Г. В. обычно гримировалась, она выдохнула: "Ох...". Испугавшись, поддержал ее за руку, неожиданно оказавшуюся холодной. И это-то в тридцатиградусную жару...

Мы ходили и вокруг театра по восстанавливаемой площади. Моя дочь Наташа фотографировала Г. В., которая просила, чтобы "неприменно виден был театр". Сегодня у нас десятки раритетных фотографий — Г. В. на фоне и внутри здания. Она попросила меня поблагодарить администратора Олега Леонидовича, который сопровождал нас, что я с удовольствием делаю. У театра я начал небольшую экскурсию по его окрестностям (музеи, Дума, Пушкин, Дюк, памятник Глушко, реставрируемая Екатерининская площадь, бульвар, Воронцовский дворец, Колоннада, Тещин мост...).

Г. В. умилила недавно возникший обычай молодых оставлять замочки на решетке моста. Они могут вернуться и открыть своим ключом собственный замочек. "Как хорошо, что этому никто не препятствует, не сбивают эти трогательные знаки любви, дружбы", — сказала Г. В. Она с удо-

вольствием фотографировалась на фоне знаменитой Колоннады, когда-то подаренной городу Каролиной Собаньской, на фоне платана на Приморском бульваре, на Дерибасовской...

На другой день я сопровождал Олейниченко на концерт солистов оперы, который проходил в помещении филармонии. Г. В. была замечена артистами у лестницы до начала концерта. К ней подходили, говорили добрые слова. За кулисами быстро узнали, что "в зале Олейниченко". Исполнители волновались и очень старались. Г. В. была довольна концертом, сказала, что "в театре у вас прекрасная труппа", что он может успешно работать. Порадовалась успехам коллег по консерватории — теперь уже педагогов. Особо выделила учениц профессора А.В. Джамагорцян. Она была поражена вниманием слушателей: десятки почитателей таланта певицы подходили к ней в антракте со словами благодарности. "А я думала, что меня уже забыли... Я ведь дебютировала здесь 55(!) лет назад и, наверное, почти четверть века тому пела в Одессе в последний раз".

Г. В. слушала внимательно, и явно волнуясь. Мне удалось незаметно (так мне казалось, во всяком случае) записать некоторые ее впечатления, высказанные вслух... О Юлии Панченко, исполнявшей арию Эльвиры из "Пуритан": "Молодец. Просто замечательно". О В.В. Навротском, который пел арию Алеко с дирижером А. Юркевичем: "Прекрасное единение, сердце заходится"... О Н. Ютеш, спевшей болеро Елены из "Сицилийской вечерни": "Ярко, очень хорошо"... О Е. Стародубцевой, исполнившей арию Принцессы Бульонской из "Адриенны Лекуверр": "Какой прекрасный, редкой красоты и наполненности голос! Мне кажется, что она могла бы стать украшением любой труппы"... Об И. Берлизовой, спевшей каватину Розины: "Театр может гордиться такой певицей"... Об А. Бойко (куплеты Мефистофеля): "И голос отличный, и замечательная дикция"... О Н. Жарких (ария Леоноры из "Трубадура"): "Красивый, звонкий голос. Поет ровно. Хорошая школа"... О В. Тарасове (куплеты Эскамильо): "Поразительное владение голосом. В звуке слышится душа. Bravo!"... Об И. Мартыновой (ария Аиды): "Необыкновенная музыкальность. Прекрасная школа. Великолепно". О Л. Зуенко (сцена Лючии): "Блестящая певица. Каденция спета потрясающе!". Об А. Капустине (стретта Манрико): "Поразительное мастерство, редкая сила хорошо организованного звука"... (К сожалению, я успел записать не все впечатления Г. В. Закончу ее общей оценкой: "Хорошие голоса, хорошая школа. Рада за нашу консерваторию, за наш театр. Этот концерт для меня праздник души. Я даже не ожидала ничего подобного".)

После окончания концерта ее не отпускали почти полчаса. Снова благодарные зрители, узнавшие у тех, кто подходил в антракте, что она здесь. Артисты театра, интересовавшиеся ее впечатлениями, замечаниями. Она каждому сказала добрые слова, которые — уверен — будут согревать их на многотрудном пути в искусстве. Снова фотографии, которые получились хорошими, несмотря на темноту — такова благословенная современная техника.

Галину Васильевну отвозил в дом почитательницы ее таланта Г.А. Певзнер, у которой Олейниченко остановилась, ученик Генриэтты Абрамовны по школе им. Столярского, внук композитора Ю. Знатокова, дирижер Игорь Знатоков. В этом же доме состоялся небольшой прием для "узкого круга" друзей. Некоторые вещи Г. В. рассказала мне там, некоторые на концерте, некоторые — во время экскурсии. Как она проста, естественна в общении! Светлый человек. Ее успех как певицы, по-моему, обусловлен и талантом, и золотым сердцем, которое может ошибаться, но органически не способно лгать. Говорят о "свете таланта". Эти слова по праву применимы к ней.

...Случилось так, что через четверть века жизнь развела Галину Васильевну с Владимиром Михайловичем. Почти три с половиной десятилетия она остается для него человеком, к которому можно обратиться, когда плохо. Он благодарен судьбе за встречу с Г. В. И сегодня в письме ко мне пишет: "Божественно музыкальная... чистая... наивная... мировая звезда, рожденная для искусства в Одессе".

Мне хочется еще сказать о том, с какой благодарностью вспоминает Г. В. своих концертмейстеров. Это Белла Энтина (в Одессе), Наум Вальтер, Ольга Томина (в Москве). Наверное, не всех называвшихся ею музыкантов я запомнил...

Она удивительно самокритична. Не знаю, есть ли человек, который слышал от нее слова просто удовлетворенности собой — спектаклем ли, концертом... Искренне не понимает значения своего вклада в вокальное искусство, значения своей роли в истории оперы, камерного исполнительства.

Я не рассказал еще о многом. Например, об ученицах, среди которых есть и лауреаты международных конкурсов и даже обладатели гран-при, заслуженные и народные артистки, солисты многих театров, включая Большой. О прекрасных записях, сохранивших звучание дивного голоса, о замечательном буклете с поразительными фотографиями, в которых отразилась и история музыкальной Одессы и которые мне хочется поместить в новую книгу о нашем Театре, чтобы как можно больше людей увидело их...

Человек благодарный, она тепло говорит о Валентине Николаевне Левко, привлечшей ее к педагогической работе в "Гнесинке", о своих коллегах по кафедре, об учениках...

Предвижу вопрос многих: как выглядит Олейниченко в солидном возрасте? Честно скажу: замечательно (иначе обошел бы этот вопрос). Как говорится, "минус двадцать". Такое судьба дарует немногим счастливым. Например, Сергею Лемешеву, Татьяне Шмыге... Наверное, за то, что не делали людям дурного, несли радость... Когда мы прощались, она с молчаливым недоверием слушала мои слова благодарности. И я рискнул прямо спросить: "Вы ведь никому не делали зла, правда?". "Да. Никогда", — без тени пафоса, но уверенно согласилась Галина Васильевна. Это уже было "победой" над нашей дорогой "великой молчаливицей" и на редкость деликатным человеком.

...Дорога на железнодорожный вокзал. Игорь включает запись третьего акта "Тоски". Поют Мария Каллас и Джузеппе ди Стефано. Г. В. так взволнована, что просит остановить машину, чтобы прийти в себя. "Начала с потрясения "Травиатой", а теперь моя самая любимая опера — "Тоска", — говорит она без патетики.

На вокзале Г. В. приветлива, внимательна, но чувствуешь, что она вся еще под впечатлением пуччиниевской музыки. Прощаемся с надеждой на встречу.

"Мне казалось, что все в прошлом, что я забыта. А одесситы помогли поверить, что жизнь моя прожита не зря, что певица Олейниченко оставила след в душах людей. Как я признательна им за это!"

Одессу Галина Васильевна давно уже назвала "городом своей судьбы". Театр наш — "самым дорогим местом на земле".

